

НАРЕЧИЯ В ЛЮБОВНЫХ ЗАГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ЗАГОВОРОВ КАРЕЛИИ)

М. А. Коновалова

Петрозаводский государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2024 г.

Аннотация: в данной статье исследуется лексический состав любовных заговоров из сборника Т. С. Курец «Русские заговоры Карелии», а именно наречия, которые играют ключевую роль в формировании образов и метафор, связанных с любовной магией. В ходе исследования использовались методы сплошной выборки и лексикографического анализа, что позволило выделить в 85 текстах заговоров 15 определительных наречий и 12 обстоятельственных. Автор исследует реализацию языковой метафоры «любовь — огонь», которая проявляется через определительные наречия, такие как «жарко», «пылко», «ярко», «досуха», связывающие эмоциональные состояния с огненной символикой. Обстоятельственные наречия, такие как «днем», «ночью», «вместе», «врозь», также играют важную роль, уточняя время и место действия. Выявлено также использование диалектных форм, таких как «безопятно» и «безотворотню», что подтверждает региональную специфичность языка текстов заговоров. Основные выводы исследования подчеркивают, что любовные заговоры, несмотря на свою архаичность, продолжают сохранять культурную значимость и требуют дальнейшего изучения в рамках лингвофольклористики и культурологии.

Ключевые слова: любовные заговоры, наречия, метафора, диалектные формы, фольклор.

Abstract: this article investigates the adverbial lexicon within love spells from T. S. Kurets' compilation, «Karelian Russian Charms». The study analyzes the crucial role adverbs play in constructing the imagery and metaphors central to the love magic depicted. Employing continuous sampling and lexicographical analysis across 85 spell texts, the research identifies 15 attributive and 12 adverbial adverbs. A key focus is on the linguistic metaphor «love — fire», realized through attributive adverbs such as «жарко», «пылко», «ярко», «досуха», connecting emotional states with fiery symbolism. Further, adverbials indicating time and location, such as «днем», «ночью», «вместе», and «врозь» are examined for their contributions to contextual meaning. The presence of dialectal forms, including «безопятно» and «безотворотню», underscores the regional distinctiveness of the spell language. The study concludes by emphasizing the enduring cultural relevance of love spells, despite their archaic nature, thereby underscoring the necessity for continued research within the fields of linguofolkloristics and cultural studies.

Keywords: love spells, adverbs, metaphor, dialect forms, folklore.

Тема любви, семьи и свадьбы на протяжении столетий остается актуальной для нашей культуры в целом и для фольклора в частности, так как она тесно связана с традиционными ценностями русского народа. Среди фольклорных жанров данная тема наиболее наглядно представлена в описании свадебных обрядов, свадебных песен и причитаниях, а также любовных заговорах. Фольклористы неоднократно обращались к исследованиям любовных заговоров восточных славян (Топоров, Кляус [1], Топорков [2], Доброва [3; 4] и др.), а также заговоров этой группы, распространенных на территории республики Карелия (Ершов, Логинов [5], Калашникова [6], Топорков [7]). Интерес к жанру заговора обусловлен, с одной стороны, его древностью, а с другой, актуальностью и популярностью в наши дни. Несмотря на публикацию современных любовных заговоров, они не становятся предметом исследований.

Исследуя этот жанр, фольклористы обращаются преимущественно к исконно народным, традицион-

ным текстам, опубликованным в Олонецком сборнике, «Олонецких губернских ведомостях», сборникам П. Н. Рыбникова, В. Мансики и Т. С. Курец. Сборник «Русские заговоры Карелии» Т. С. Курец [8], вышедший в 2000 году, представляется наиболее подходящим для исследования, так как содержит значительно больший объем фольклорного материала по сравнению с остальными, а, во-вторых, не так подробно исследован. Сборник составлен на базе материалов КарНЦ РАН и включает 452 текста, записанных в XIX-XX веках, из которых 85 относятся к интересующим нас темам: «Заговоры, повышающие привлекательность девушек» (24), «Присушки» (44), «Отсушки (остуды)» (14), «Заговоры, приуроченные к свадьбе» (4).

Как видно, большая часть заговоров — это присушки, магические слова и/или действия, «имеющие целью вызвать у какого-то конкретного лица чувство любви» [9, 228]. Однако, несмотря на широкое распространение и понятную популярность данного «субжанра», присушки — это все же «насилие» над чувствами человека и они не могут расцениваться как что-то одобряемое. А. Л. Топорков отмечает,

что «концепция, отразившаяся в любовной магии, предстает как кощунственная и антихристианская. <...> цель любовной магии — подавить волю человека. Любовная страсть это некая сверхчеловеческая сила» [7, 65], приносящая человеку, на которого направлен заговор, боль и горечь. Часто сила любви сравнивается с разрушительной силой огня.

Такой характер воздействия на чувства человека проявляется в образах в первую очередь на лексическом уровне текстов. Мы ограничимся лишь наречиями, так как именно эта часть речи на данный момент исследована наименее детально. Несмотря на то, что наречия были выделены в самостоятельную знаменательную часть речи лишь в конце XIX века, их природа, состав и структура до сих пор остаются предметом дискуссий. Долгое время существовало множество точек зрения на эту часть речи, тем не менее, «распространение в научной практике комплексного освещения наречия как лексико-грамматического разряда получило противопоставление двух его основных разрядов — определительных и обстоятельственных наречий» [10, 142]. В текстах заговоров имеют место как определительные, так и обстоятельственные наречия, при этом их доля различается несущественно.

Методом сплошной выборки из 85 текстов было выделено 15 определительных наречий (32 словоупотребления): вместе (5), жарко (5), паче (4), пылко (3), безопятно (2), больше (2), выше (2), ярко (2), безотворотно (1), остро-наостро (1), досуха (1), крепко-накрепко (1), порознь (1), порозь (1), пуще (1). Значительная часть словоупотреблений, а именно лексемы «жарко», «пылко», «ярко», «досуха» (11) вероятно, не обусловлены спецификой жанра или фольклорными традициями, а являются следствием развития «общезыковой метафоры «огонь в печи → сильное любовное чувство» [9, 229]. А. Л. Топорков также отмечает, что распространенность данной метафоры в других языках закономерно могла привести к тому, что «заговорные формулы, подсказанные языком, могли возникнуть вполне независимо в разных традициях» [11, 133]. Помимо наречий в текстах присутствуют и другие части речи, способствующие раскрытию метафоры: печь, свеча, гореть, жечь и другие. Обратимся к примерам: «коль жарко разгораются дрова и угольё, коль жарко и пылко, столь же бы пылко, столь же бы жарко горело сердце и кровь» [8, 47], «Коль ярко горит свеча перед образом Божиим, толь же бы ярко горело сердце у р<абы> Б<ожьей> (имя) по р<абу> Б<ожьему>» [8, 47]. Конечно, эта метафора широко распространена в языке и характерна не только для жанра заговора, но здесь мы можем встретиться с равенством слова и действия. Для исполнения некоторых заговоров необходимо обязательное сопровождение произнесения текста ритуальными действиями, несмотря на то, что описание действий фиксируется фольклористами не всегда. Тем не менее, в «Олонецком сборнике» заговоров XVII века текст приворота

соотносится с описанием обряда: «...Взят(ь) против хребта в сорочке нитка да, где седит женка, с тог(о) места взят(ь) щепка, выколупит(ь) да перерезат(ь) на пол, половина жеч(ь), а говор(и): (1) Как горит щепка в огне, так бы горело с(е)рдце имярек по мне имярек» [2, 103]. Н. В. Познанский подчеркивал, что «Такая тесная связь слова и ритуала характерна для архаических форм вербальной магии» [12, 205-213], а схожие формулы использовались еще во времена античности [2, 193]. Действительно, сходные магические формулы, например, могут возникать независимо в разных культурах, где применяются похожие ритуалы.

Еще один пример определительного наречия — досуха — связан в том числе и с внутренней формой термина «присушка», под «которой обычно понимается магическое воздействие на человека с целью возникновения у него эмоционального и духовного влечения к другому человеку» [9, 232]. Наречие семантически связано с глаголом «сохнуть» в значении «страдать от любви к кому-либо» [13, 1242-1243]. Приведем пример текста: «Тридцать бесов, пятьдесят дьяволов, не сушите лесу досуха, засушите раба (имя) досуха» [8, 41]. В данном отрывке слово «досуха» используется дважды: первый раз — в прямом значении при описании действий, направленных на дерево, второй раз — в переносном, в отношении человека. Кроме того, можно предположить и в этом случае наличие связи с указанной ранее метафорой «любовь — огонь»: сухота как результат воздействия любви, то есть огня. Также стоит заметить, что цель заговора — заставить человека тосковать, а по словарю В. И. Даля, тосковать — значит «болеть по чем душою, сильно грустить, скучать, неутешно горевать, сохнуть сердцем, скорбеть, изнывать» [14, 422]. В приведенном выше отрывке заговора снова обнаруживается использование других частей речи с близким значением, причем в данном случае используются однокоренные слова: сушите, засушите, досуха. Частотность однокоренных слов в данном жанре достаточно широко распространена, Л. А. Топорков отмечал, что «в заговорах имеется большое число тавтологических словосочетаний» [11, 160], и сравнивал этот способ организации текста со стилем «плетения словес», для которого, по словам Д. С. Лихачева, характерно «нагромождение синонимов, синонимических сочетаний, сходных сравнений» [15, 30], что способствует усилению экспрессивности, эмоциональности, напряженности, но вместе с тем и таинственности магического текста.

Отдельно можно выделить определительные наречия в составе заговоров, повышающих привлекательность девушек, основной целью которых является пробуждение любви окружающих к объекту/ субъекту заговора. При этом любовь в наивысшей мере должна проявиться у «жениха», «суженого» и т.п.: «Как я на зеркале видна, так чтобы была видна всем игрокам, всем сватам, всем женихам, богосуженому, богоряженому больше всех» [8, 30]. Как

мы видим, в таких формулировках текстов часто употребляются наречия в сравнительной степени.

В составе остудных заговоров, или отсушек, частотна антонимичная пара наречий «вместе — врозь, порознь (порозь)»: «В этой лодке сидит черт на чердаке с чертовкой вместе. Сидят они хребтами вместе, лицами порознь, и не могут они глядеть друг на друга, встречу встретиться, слово сказать. Дерутся они, цепляясь, до кровавых ран кровью обливаются. Так же и раб Божий (имя) со рабой Божией (имя) дрались да ципались» [8, 43]. Здесь описываются действия, совершаемые еретиками, чертом с чертовкой и дьявола с дьяволицей, которые «смотрят врозь», а также щиплются и дерутся, несмотря на то, что находятся вместе. Данный заговорный текст призван разрушить отношения между мужем и женой, или же возлюбленными. Стоит отметить, что одна из лексем данной оппозиции — «порозь» — является диалектным вариантом, распространенным в нескольких регионах России [16, 76].

Помимо приведенных наречий, которые непосредственно связаны с тематикой заговора, есть и другие, встречающиеся в таких структурных элементах текста, как вступление и закрепка: «вложите ету тоску р<абу> Б<ожьему> (имя), чтобы он болел и болезновал по рабе Божьей (имя) днем при дороге, ночью при постели; ел — не наедался, пил — не напивался, и плакал, и рыдал, как малое дитя по матери, и почитал бы рабу Божью (имя), как свою душу в теле, век по веку, отныне и до веку. Бытте, мои слова, крепко-накрепко, остро-наостро» [8, 34]. Здесь слова «крепко-накрепко, остро-наостро» заключают, буквально закрепляют значение слов. Кроме того, именно в закрепке нами были обнаружены диалектные наречия «безотворотнo» и «безопятно», при этом стоит отметить, что форма «безопятно» не задокументирована в словарях, но в конце сборника «Русские заговоры Карелии» составитель приводит ее в «словаре местных, малопонятных и искаженных слов». Близкий фонетический вариант «безотпятно» приводится в Словаре русских народных говоров: «Безотпятно, нареч. 1. Не отходя, не отрываясь» [17, 197]. В то же время лексема, употребляемая в сочетании с безопятно — безотворотнo обозначена и в СРНГ со значением «Неотрываясь; безотрывно» [17, 196], и в СРГК «Никуда не сворачивая» [18, 53]. Приведем фрагмент заговора: «От грому, от молнии и от огненных стрел бежит всяк нечистый дух, трясовицы и родимец бежат под пень, под колоду безотпятно и безотворотнo» [8, 65].

В этом же фрагменте текста обнаруживаются наречия, которые призваны распространить его действие на максимально обширный промежуток времени. Для этого заговаривающий обращается к перечислению времени суток или использует синонимичные конструкции, чтобы как можно лучше укрепить силу слов. Таким образом охваченными

оказываются все промежутки времени, и не остается ни одного, на который заговор бы ни распространился. В случае с последними примерами мы имеем дело уже с обстоятельственными наречиями, а именно наречиями времени. В текстах любовных заговоров Карелии были выделены следующие лексические единицы данной группы: всё (1), денно (2), днем (2), ночью (2), ночью (1), ночью (2), отныне (3).

Еще одной категорией обстоятельственных наречий являются обстоятельства места: там (6), куда (3), далече (2), навстречу (1), прочь (2). В зависимости от их функции, а также расположения в структуре заговора мы можем разделить их на две группы: первая из них не связана непосредственно с тематикой заговора и принадлежит «общим» местам — они обычно располагаются в зачине или начале эпической части, где определяется место персонажа в пространстве или завязывается взаимодействие с волшебным помощником. Таких примеров — большинство: «Пойду далече в чистое поле» [8, 43], «Пойду в чистое поле, там стоит огненной столб» [8, 32], «выйду во чистое поле. Попадается навстречу царь Соломон» [8, 39]. Подробные формулы характерны не только для любовных, но и для лечебных заговоров.

Эта группа наречий используется при описании ситуации, которая по принципу действия параллелистических заговоров переносится на объект, например, в присушке: «как охватился зверь-любимец, обогнулся зверь-любимец и прочь не идет, так же бы охватила и обогнулась тая р<аба> Б<ожья> (имя) с тем р<абом> Б<ожьим>» [8, 47]. Всего в текстах русских заговоров Карелии представлено 12 обстоятельственных наречий, представленных в 27 словоупотреблениях.

Стоит отметить, что в целом тексты заговоров любовной тематики, распространенные на территории Карелии, соответствуют характеристике, данной А. Л. Топорковым русским любовным заговорам: это тексты «большого объема, имеющие достаточно сложную сюжетную организацию, весьма красочные в художественном отношении (общая драматизация повествования, наличие диалога с персонажем-посредником)» [11, 112-113]. Исследователь также указывает, что заговор призван вызвать «низменную страсть, приносящую боль и протекающую подобно болезни» [11, 114]. Действительно, согласно текстам, приведенным в сборнике «Русские заговоры Карелии», любовь располагается в теле человека так же, как и болезнь, и изгоняется аналогичными формулами: ср. текст отсушки «смой с раба Божьего (имя) тоску и кручину на сыру землю с буйной головы, с подъясных очей, с белого тела, с ретивого сердца» [8, 46] и заговора от золотухи «несколько этих золотух, сойдите проць с белого тела, с ретивого сердца, с рук и с ног, и с буйной головы» [8, 63].

Итак, мы выяснили, что в текстах любовных заговоров обнаруживаются как определительные, так

и обстоятельственные наречия. Они могут использоваться во вступлении и заключении в составе традиционных формул — пойду далече, там стоит печь, заключаю крепко-накрепко, днем и ночью. Кроме того, обе группы наречий встречаются в эпической части, где они непосредственно связаны с тематикой заговоров и описывают действия, которые должны произойти с объектом заговора или быть на него спроецированы — «печь кирпичная, топится жарко и пылко. Так же у раба Божья Ивана сердце боли» [8, 31], «Сидят оны хребтами вместе, лицами порозь. Так же бы и раб Божий со рабой Божьей» [8, 43]. Данные наречия отражают общезыковую метафору «любовь — огонь», а также раскрывают внутреннюю форму термина «присушка», как иначе могут называться любовные заговоры. Таких наречий, непосредственно связанных с темой заговоров, насчитывается значительно меньше. Это связано с устойчивостью и формульностью жанра, которые требуют обязательного использования определенных конструкций во вступлении и закреплении, которые содержат обстоятельственные наречия, сообщающие нам о местоположении заговаривающего или заговариваемого и распространении магического действия текста в вечное будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кляус В. (сост.) Любовные заговоры. — М.: Дом русской косметики, 1991.
2. Топорков А. Л. (сост.) Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX века / сост., подг. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. — М.: Индрик, 2010. — 847 с.
3. Доброва С. И. Гендерный аспект формул параллелизмов-перечней в любовных заговорах / С. И. Доброва // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы IX Международной научной конференции, Воронеж, 28-29 октября 2017 года / отв. ред. А. Д. Черенкова. — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2017. — С. 202-215.
4. Доброва С. Н. Семиотические основы параллелизмов-перечней в фольклорном тексте (на материале любовных заговоров) / С. Н. Доброва // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2018. — № 4. — С. 34-37.
5. Ершов В. П. Потаенный фольклор Карелии и сопредельных областей / В. П. Ершов, К. К. Логинов; Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН. — Петрозаводск: ВЕРСО, 2022. — 206.
6. Калашникова Р. Б. Свадебное содержание и «присушивательная» символика заонежских беседных песен второй половины XIX века / Р. Б. Калашникова // Кижский вестник. — Петрозаводск, 2000. — № 5. — С. 72-94.
7. Топорков А. Л. Русские любовные заговоры XIX века / А. Л. Топорков // Эрос и порнография в русской культуре: сб. ст. / под ред. М. Левитта и А. Л. Топоркова. — М.: Ладомир, 1999. — С. 54-71.
8. Русские заговоры Карелии / составитель Т. С. Курец. — Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2000. — 276 с.
9. Коваль В. И. Любовные присушки у восточных славян: вербальная и акциональная магия / В. И. Коваль // Язык как ценность бытия: сборник научных трудов в честь юбилея профессора Марии Иосифовны Конюшкевич. — Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2023. — С. 227-234.
10. Сурган М. А. К вопросу об объеме наречия как части речи в современном русском языке / М. А. Сурган // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. — 2014. — Т. 27 (66), № 1-1. — С. 139-144.
11. Топорков А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV-XIX вв.: история, символика, поэтика / А. Л. Топорков. — М.: Индрик, 2005. — 478 с.
12. Познанский Н. Ф. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / Ст., примеч., сост. списка источников Ф. С. Капицы. — М.: Индрик, 1995. — 352 с.
13. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург: «Норинт», 2000. — 1536 с.
14. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. А — З. — М.: Русский язык, 2002. — 699 с.
15. Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе / отв. ред. О. В. Творогов. — Ленинград: Наука, 1986. — 406 с.
16. Словарь русских народных говоров / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований; [гл. ред. Ф. П. Сороколетов]. Вып. 30, Поприугомонить-Почестно / [ред.: О. Д. Кузнецова, П. И. Павленко; сост.: Н. И. Андреева-Васина и др.]. — 2-е изд. — СПб.: Наука, 2003. — 384 с.
17. Словарь русских народных говоров / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований; [гл. ред. Ф. П. Филин; ред. Ф. П. Сороколетов]. Вып. 2, Ба — Блазниться. — 2-е изд. — СПб.: Наука, 2002. — 314 с.
18. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Санкт-Петербург. гос. ун-т; отв. ред. О. А. Черепанова; гл. ред. А. С. Герд. — СПб.: Издательство Санкт-Петербург. ун-та, 1995.

Петрозаводский государственный университет
Коновалова М. А., старший преподаватель кафедры
германской филологии и скандинавистики
E-mail: konovmasha@yandex.ru

Petrozavodsk state university
Konovalova M. A., Senior Lecturer at the Department of
German Philology and Scandinavian studies
E-mail: konovmasha@yandex.ru